

5. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00. 01 ; НИИ советского государственного строительства и законодательства. М., 1990. 42 с.
6. Сырых, В. М. Социология права. М. : Юстицинформ, 2012. 472 с.
7. Шагиев, Б. В. Юридическая деятельность и ее система : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.

НОРМЫ, ПРИНЦИПЫ, ПОЛОЖЕНИЯ: КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПРАВЕ

Н. В. Касияненко

*старший преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений
Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
natakasiyanenko@gmail.com*

В данной статье исследуется вопрос сущности таких правовых категорий как норма, принцип, положение. Посредством выделения критериев обосновывается необходимость их разграничения в правовой реальности. На основе текста Конституции Республики Беларусь иллюстрируется соотношение нормы, принципа и положения.

Ключевые слова: правовая норма; принцип; правоположение; аксиология; критерии отличия.

NORMS, PRINCIPLES, POSTULATS: CRITERIA OF DIFFERENTIATION IN LAW

N. V. Kasyanenko

*Senior Lecturer of the Department of International Law of the Faculty of International Relations of the
Belarusian State University,
Belarusian State University, 20, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
natakasiyanenko@gmail.com*

This article examines the essence of such legal categories as norm, principle, and postulate. By highlighting the criteria, the necessity of their differentiation in the legal reality is proved. On the basis of the text of the Constitution of the Republic of Belarus, the correlation of the norm, principle and postulate is illustrated.

Keywords: legal norm; principle; legal postulates; axiology; criteria of difference.

В правовой доктрине стран постсоветского пространства традиционным является подход, согласно которому разграничиваются нормы и принципы права. Содержательному анализу правовых положений уделяется незначительное внимание, а исследование триады норма–принцип–положение для отечественной юриспруденции в целом не характерно. При этом правореализация актуализирует вопросы уяснения сущности названных явлений, так как от понимания их соотношения зависит содержание общеправовых принципов (верховенства права, стабильности, определенности и др.), задающих вектор развития национальной правовой системы.

Методология установления соотношения норм, принципов и положений в праве (в контексте данной работы наиболее релевантными являются методы герменевтики и компаративистики), обусловлена конечной целью их дифференциации. Само по себе устранение пробела в соответствующей области правовой науки не является достаточным, хотя и выступает полезным сопутствующим научным результатом экспликации сущности тех или иных правовых явлений. Конечная цель установления соотношения правовых категорий – это эффективное выполнение юриспруденцией своей роли в правовой реальности.

Разграничение юридического текста и его значения (нормы, принципа и положения) позволяют не сводить роль законодателя лишь к описательной функции, то есть правильному с точки зрения юридической техники опосредованию социальных взаимодействий при помощи соответствующей юридической терминологии или корректной объективации понимания, намерения, замысла субъекта нормотворчества. Подобная возможность также исключается сложностью правотворческого процесса, в связи с чем, большое значение имеет деятельность субъектов по интерпретации правовых положений в процессе правореализации.

Прогрессивное развитие юриспруденции предполагает своевременное переосмысление следующих устоявшихся в науке выводов и постулатов относительно сущности и роли правовых норм, принципов и положений: положения равны нормам, положение является основой для толкования нормы, субъект правореализации лишь уясняет и (или) разъясняет положения, оформленные в принципы и нормы, а не реконструирует их и т. п. Для этого нет необходимости анализировать все существующие в правовой науке концепции на предмет соотношения норм, принципов и положений. Эффективнее выявить и критически проанализировать критерии дифференциации исследуемых явлений.

Норма права – это правило поведения (от лат. *norma* – образец, эталон), а принцип права – исходное положение, отражающееся в нормах (от лат. *principium* – начало, первопричина) [2, с. 32]. Данный этимологический подход к сущностной трактовке характерен для постсоветского сегмента правовой науки и на сегодняшний день нуждается в коррекции. Положение, а точнее «правоположение» – это категория, которая в русскоязычном правовом тезауриусе используется в значении разъяснений, содержащихся в судебных решениях [3, с. 74], что представляется недостаточным, так как редуцирует истинную сущность явления. Более обоснованным представляется тезис С. С. Алексеева, отмечающего, что «... правоположения – это еще не нормы, но они уже выходят за пределы правосознания, простых суждений. Это формирующиеся нормы, которые представляют собой сгустки правосознания. Со временем они могут превратиться либо в стойкие правовые обычаи, либо в нормы, закрепленные законодателем» [1, с. 118]. Другими словами, в зависимости от доктринального толкования правоположения одновременно выступают прообразом норм и результатом их конкретизации, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования их правовой природы.

Опираясь на вышеприведенную коннотацию нормы, принципа и положения выделим критерии их дифференциации, которые эксплицируют дополнительные характерные черты исследуемых явлений для полного понимания их сущности. Разграничение правовых норм и принципов зависит от субъективных научных взглядов правоприменителей, имеет смысл и проявляется непосредственно в процессе их практической реализации.

1) Критерий гипотетико–условного характера. Норма применяется по формуле «если–то», другими словами, «условие–следствие». Если правила поведения заданы в норме, то они либо действительны для правоприменительной ситуации, либо нет. Принципы – не имеют определенного алгоритма своей реализации, а являются лишь основой для нахождения правоположения, соответствующего каждому конкретному случаю.

2) Критерий содержательной реализуемости. Норма может либо применяться полностью, либо полностью не применяться. Принцип реализуется постепенно и не имеет заранее установленного субъектом нормотворчества объема содержания для своего полного применения.

3) Критерий аксиологической основы. Субъект правореализации оперирует в разной степени определенными правовыми нормами. Подавляющее большинство из них абсолютно определены. Некоторые – являются относительно определенными, в

частности нормы, содержащие оценочно-правовые понятия. Последние в структуре своего содержания перманентно имеют аксиологическую составляющую, в связи с чем нуждаются в последующей конкретизации, осложненной дополнительным элементом – оценкой. Принципы, в отличие от правовых норм, всегда являются аксиологической основой для правоприменительных решений. С одной стороны они объективируют в праве ценностные приоритеты общества на конкретном этапе его эволюции, а с другой – детерминируют процесс правореализации.

4) Критерий способа разрешения содержательного противоречия.

Столкновение содержаний правовых норм может преодолеваться (устраняться) конкретными способами: признанием одной из норм недействительной, либо создание новой нормы, содержащей исключение из ранее установленного правила. Противоречие между принципами права преодолевается в каждом конкретном случае путем сопоставления соразмерности и релевантности их содержаний, динамичных и обусловленных совокупностью объективных факторов. С учетом этого, содержательное противоречие правовых принципов не может быть окончательно устранено.

Выделенные критерии расширяют понимание нормы исключительно как правила поведения: норма не сводится к ее форме в виде юридического текста, либо к ее содержанию в виде значения того или иного положения. Следовательно, она не может конструироваться единолично субъектом нормотворчества, а окончательно выкристаллизовывается в результате ее единообразной практической реализации. В результате могут образовываться различные комбинации правовых норм и принципов: нормы-правила, нормы-принципы и др., которые не всегда содержательно совпадают.

Нормы конструируются из положений (или правоположений в значении их прообраза нормы). Однако этот факт не позволяет утверждать, что то или иное положение априори содержит в себе правило или принцип, так как конечный результат нормотворчества зависит еще и от аксиологических связей, не оформленных в текст, а создаваемых скорее самими правоприменителями, которые в свою очередь ограничены правовым порядком, устанавливающим какие цели нужно достичь, какие ценности сохранить.

Различия между положениями, нормами и принципами очевидно проявляются в деятельности по проверке конституционности нормативных правовых актов. Конституционный Суд Республики Беларусь при исследовании конституционности нормы, проверяет различные значения, входящие в фундирующее ее положение.»Правовые акты или *их отдельные положения*, признанные в установленном законом порядке противоречащими *положениям* Конституции, не имеют юридической силы» [4, ст. 7]. Неконституционность нормы декларируется без изменения ее текста и касается лишь тех значений положения, которые не соответствуют значениям положений Конституции Республики Беларусь. Положение сохраняется, но истолкованные на его основе нормы, признаются недействительными. Следовательно, существуют положения, на основе которых можно истолковать более одной правовой нормы. В ряде случаев, имеется два и более положения на основе которых толкуется одна норма. Например, толкование значения таких конституционных положений как равенство перед законом [4, ст. 22], правовая транспарентность [4, ч. 4 ст. 7], недопущение произвола [4, ч. 2 ст. 7], верховенство закона выводит базовый принцип современного правопорядка – верховенство права [4, ч. 1 ст. 7]. Все это еще раз подтверждает выдвинутый ранее тезис об отсутствии однозначного соответствия между нормой, принципом и положением и необходимости их дифференциации во всех сегментах правовой реальности.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С. С. Право: азбука–теория–философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. М. : Статут, 1999. 710 с.

2. Дробязко, С. Г. Принципы в праве / С. Г. Дробязко // Проблемы развития юр. науки и совершенствование правопр. практики : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2005. С. 27–33.
3. Жилкин, М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании / М. Г. Жилкин // Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2014. С. 73 – 78.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изм. и доп., принятыми на Респ. референд. 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. С. Маркевич

*аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, младший научный сотрудник отдела правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права ГНУ «Института экономики Национальной академии наук. наук Беларуси»,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
dasha.markevich@gmail.com*

В статье рассматривается развитие идей о влиянии научно-технического прогресса на государство и право, а также выделяются технико-экономические факторы, ставшие основой для первого и второго технологических укладов. Автор определяет как общие, так и особенные предпосылки к индустриализации белорусской экономики, а также делает вывод об их роли в процессе формирования нового типа государства и права.

Ключевые слова: научно-технический прогресс; технологический уклад; правовое регулирование экономической деятельности; технико-экономические факторы; промышленное развитие Беларуси.

TECHNICAL AND ECONOMIC FACTORS AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF STATE AND LAW: HISTORICAL ASPECT

D. S. Markevich

*Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Junior Researcher of the sector of legal support for socio-economic development of the Center for State Building and Law of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
dasha.markevich@gmail.com*

The article examines the development of ideas about the impact of scientific and technological progress on the state and law, and also highlights the technical and economic factors that became the basis for the first and second technological waves. The author defines both general and specific prerequisites for the industrialization of the Belarusian economy, and also comes to the conclusion about their role in the formation of a new type of state and law.

Key words: scientific and technological progress; technological wave; legal regulation of economic activity; technical and economic factors; industrial development of Belarus.

Изучением отдельных аспектов взаимного влияния технологического развития, экономики и политико-правовых феноменов занималось не одно поколение ученых. Так, о влиянии технологического развития на общество в целом и его отдельные подсистемы писали Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Э. Тоффлер, Д. Белл, А. Турен, М. Кастельс, К. Перес, Дж. Доси, К. Фримен, Н. Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов и др. Взгляды указанных и иных авторов получили свое обозначение при